

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

783
53

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІІІ.

1891.

ЯНВАРЬ.

BIBLIOTEKA
Państw. gim. męsk.
w ŁOMŻY.
№ XIX
K
Ч. а

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1891.

(53)

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая учебная книжка для совѣт- наго обученія черемисъ и русскихъ. Составилъ П. Еруслановъ“ . . .	—
Учебные планы и программы предметовъ учебнаго курса ремеслен- ныхъ училищъ	1
Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	1
Правила, требованія и программы испытаній въ комиссіи:	
Историко-филологической	1
Юридической	1
Офіціальныя извѣщенія	23
Открытіе училищъ	23

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

П. Н. Милуковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (<i>продолженіе</i>)	1
Н. И. Веселовскій. Иванъ Даниловичъ Хохловъ	48
Ф. Н. Успенскій. Константинопольскій соборъ 842 года и утвер- жденіе православія	73
Баронъ В. Р. Розенъ. О восточномъ факультетѣ и восточныхъ кафедрахъ	159
А. В. Оксеновъ. Политическія отношенія Московскаго государ- ства къ Югорской землѣ	245
В. В. Соколовскій. Очеркъ исторіи науки и литературы римскаго права въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ по новѣйшимъ исследо- ваніямъ	273
Ф. Д. Батюшковъ. Сказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ средне- вѣковой литературѣ (<i>продолженіе</i>)	326
Е. А. Бѣловъ. Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго	343

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. Иванъ и Θεодосій Зигомала, греческіе дѣя- тели XVI столѣтія	166
Е. Ф. Шмурло. Новый свидѣтель эпохи преобразованія	187
А. Степовичъ. <i>Dějiny národa huského. I. L. Píše. V Praze. 1889.</i>	223
П. Ф. Симсонъ. Замѣтка о монетахъ Петровскаго времени	229
П. Лейкфельдъ. Отвѣтъ г. Радлову	231
Э. Л. Радловъ. Отвѣтъ г. Лейкфельду	237
М. А. Дьяконовъ. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVII— XVIII столѣтіяхъ. <i>Д. И. Багалая. Т. II. Харьковъ. 1890</i>	379
В. X. <i>Bibliotheca Geographica Palaestinae. Von Reinhold Böhrich.</i> Berlin. 1890	384

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛѢ.

(1455—1499).

Политическія отношенія Великаго Новгорода къ Югорской землѣ.—Значеніе вогуловъ въ политическихъ отношеніяхъ Москвы къ Югрѣ. — Нензбѣжность завоевательной политики Московскаго государства въ отношеніи Югорской земли.—Походы московскихъ людей въ Югру и на вогуловъ: походъ въ Югру Скрибы съ „хотлячими людьми“; нападеніе вятчанъ на Вогульскую землю; столкновение Андрея Мишневъ и его „шильниковъ“ съ вогулами; походъ въ Югру и на вогуловъ князя Курбскаго (Чернаго). — Послѣдствія похода Курбскаго: признание вогульскими и югорскими князьями своихъ подданныхъ къ великому князю Московскому и заключеніе мирнаго договора между Пермской землей и втгип князьями.—Культурное значеніе московскихъ походовъ въ Югру и на вогуловъ. — Походъ московскаго войска въ Югру въ 1499 году.—Общій характеръ политическихъ отношеній Московскаго государства къ Югорской землѣ и вогуланъ.

Великій, всемірно-историческій фактъ возникновенія въ Сибири, въ концѣ XVI столѣтія, русской колонизаціи, до сихъ поръ не закончившейся и распространяющейся теперь, кромѣ Сибири, на Среднюю Азію, сложился изъ цѣлаго ряда вѣковыхъ усилій русскаго народа, такъ или иначе, проникнуть за Уралъ, въ невѣдомныя страны. Ермакъ, завоеватель Сибири, личность котораго, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается не совсѣмъ ясною, явился въ концѣ XVI столѣтія энергическимъ выразителемъ этихъ вѣковыхъ стремленій русскихъ людей—воевать и промышлять, за Ураломъ, въ Сибирской землѣ. Онъ, такъ сказать, формулировалъ ясно то, что издавна уже, но довольно смутно, бродило въ сознаніи русскихъ людей, ограничивавшихся въ своихъ походахъ за Уралъ грабежами туземцевъ и не имѣвшихъ, подобно Ермаку, мысли стать прочною ногою на сѣверѣ Азіи и сдѣлать этотъ край русскимъ владѣніемъ. На обязанности историка ле-

жить изслѣдовать, какой рядъ фактовъ предшествовалъ возникновенію русской колонизаціи въ Сибири и какое значеніе имѣли такіе предшествовавшіе факты въ общемъ ходѣ завоеванія Сибири.

Инициатива въ сношеніяхъ русскаго міра съ древнѣйшими обитателями сѣверо-западной Азии принадлежала промышленнымъ гражданамъ Великаго Новгорода. Эти сношенія, по преимуществу военныя, завязавшіяся еще въ XI вѣкѣ, шли постепенно и имѣли своихъ отважныхъ дѣятелей, о которыхъ, однако, сохранилось очень мало свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ скудныхъ, отрывочныхъ извѣстій древне-русскихъ лѣтописей. Прежде чѣмъ русскіе казаки, во главѣ съ Ермакомъ, проникли въ Сибирь въ сравнительно позднѣйшую эпоху, новгородцамъ пришлось не мало положить труда и энергии на развѣдываніе и даже завоеваніе, къ сожалѣнію, не удавшееся, земли Югорской, которую можно было считать въ извѣстной степени ключемъ къ обладанію Сибирью.

Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды распространяться подробно о сношеніяхъ Великаго Новгорода съ Югорской землей; объ этомъ нами было говорено въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Приведемъ только результаты нашего изслѣдованія по этому предмету, чтобы затѣмъ перейти къ вопросу объ отношеніяхъ московской политики, какъ прямой наследницы новгородской, въ древнее время къ Югорской землѣ, или вышней сѣверо-западной Сибири.

Уже съ первой половины XI столѣтія новгородцы стали совершать походы въ Югорскую землю и продолжали ихъ въ XII вѣкѣ. О нѣкоторыхъ изъ такихъ походовъ этого времени сохранились извѣстія въ Новгородской (I-й) лѣтописи. Только неизвѣстно, переходили ли при этомъ новгородскіе отряды черезъ Уральскія горы, въ бассейнъ р. Оби. Въ первое время новгородцы, можетъ быть, ограничивались сборомъ дани только въ Югрѣ, находившейся на западныхъ склонахъ Уральскаго горнаго хребта.

Съ конца XII столѣтія до первой четверти XIV вѣка въ первоначальныхъ лѣтописяхъ не встрѣчается извѣстій объ югорскихъ походахъ новгородцевъ. Это, впрочемъ, не значитъ, что новгородцы прервали всякія сношенія съ Югрой. Вѣроятно, походы новгородцевъ въ Югорскую землю съ цѣлью собиранія дани по-прежнему продолжались и вообще оканчивались для новгородцевъ благополучно, такъ

¹⁾ „Литературный Сборникъ“, изд. редакція *Восточнаго Обозрѣнія*. С.-Пб. 1885 г., стр. 425—445.

что лѣтописцы не считали нужнымъ заносить въ свои лѣтописи извѣстiя объ этихъ походахъ, какъ о явленiяхъ обычныхъ: въ лѣтописяхъ же встрѣчаются всего болѣе извѣстiя только о такихъ походахъ въ Югорскую землю, которые сопровождались какими-нибудь несчастiемъ, неудачей для новгородцевъ. Что сношенiя новгородцевъ съ Югрой въ своемъ родѣ прогрессировали, въ этомъ можетъ служить порукою важное обстоятельство, что во второй половинѣ XIII столѣтiя Югорская земля считалась уже новгородскою волостью. Въ договорной грамотѣ 1265 года между Великимъ Новгородомъ и великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, при перечисленiи волостей новгородскихъ, упоминается, между прочимъ, и Югра ¹⁾. Въ это время Югорская земля считалась новгородскою волостью, но когда именно новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, то-есть, какъ на свое владѣнiе, объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстiй. Только извѣстно, что, кромѣ вышеупомянутой договорной грамоты, еще въ шести другихъ такихъ же грамотахъ Великаго Новгорода, относящихся ко времени отъ 1270 по 1471 годъ, Югра, или Югорская земля, упоминается въ числѣ волостей новгородскихъ ²⁾.

Считая Югру своею волостью, новгородцы въ то же время продолжали отправлять въ эту землю вооруженные отряды для сбора дани. О нѣсколькихъ такихъ походахъ съ начала XIV вѣка до половины XV-го (1323 — 1446) сохранились извѣстiя въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Изъ извѣстiй о походахъ новгородцевъ въ Югорскую землю видно, что въ эту страну ходили отряды такъ-называемыхъ „даньщиковъ“ (сборщиковъ дани) собирать съ обитателей земли Югорской дань. При этомъ новгородцы стремились брать столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилiя, такъ что сборъ югорской дани былъ не чѣмъ инымъ, какъ военною реквизициею, или контрибуциею, въ непрiятельской странѣ. Такой характеръ отношенiй новгородцевъ къ Югрѣ объясняется тѣмъ, что новгородцамъ не удавалось прочно водворить свое господство въ землѣ Югорской и обезпечить за собою полученiе постоянной дани съ жителей этой земли.

Вообще о власти новгородцевъ въ Югорской землѣ нужно замѣ-

¹⁾ Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, М. 1813, ч. I, № 1.

²⁾ Собрание государств. грам. и договор., М. 1813, ч. I, №№ 3, 6, 10 и 15. Акты, собранные археогр. экск., С.-Пб., 1836, т. I, №№ 57 и 91.

тить, что эта власть не имѣла за собой ничего прочнаго и выработаннаго. Хотя новгородцы и называли въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ русскими князьями и даже съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV ¹⁾ Югорскую землю своей волостью, но эта земля оставалась сама по себѣ, подъ управленіемъ своихъ князей, и никакого новгородскаго управленія въ ней не было. Если новгородцы и говорятъ объ Югорской землѣ, какъ о своей волости, то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они называютъ въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ другія свои отдаленныя области, какъ, напримѣръ, Пермь, Печору, Заволочье и др. Считая Югорскую землю своею волостью, новгородцы подъ „волостью“, очевидно, разумѣли только свое право похода въ эту землю для сбора данн. Это станетъ еще яснѣе, если посмотримъ на отношенія новгородцевъ къ другимъ ихъ волостямъ. Изъ договорныхъ грамотъ Великаго Новгорода съ русскими князьями видно, что Великій Новгородъ посылалъ въ свои волости особиыхъ правителей, которые тамъ называются „мужами“. Поэтому нужно бы ожидать, что и Югорская земля, какъ волость новгородская, уже въ 1265 году (время написанія первой изъ дошедшихъ до нашего времени новгородскихъ договорныхъ грамотъ) управлялась какимъ-нибудь „мужемъ“. Но объ этомъ на протяженіи двухъ столѣтій (1265—1471) нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія, и самая исторія новгородскихъ походовъ въ Югорскую землю съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XV столѣтія приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ Югорской землѣ не было никакихъ „мужей“, правителей отъ Великаго Новгорода. Между тѣмъ, въ Печорской землѣ и Перми, какъ волостяхъ Великаго Новгорода, находились „мужи“ или „володѣтели“, управлявшіе этими землями отъ имени Великаго Новгорода. Напримѣръ, одно время (между 1328 и 1340 годами) Печорская сторона находилась въ вѣдѣніи какого-то Михаила ²⁾. Въ Перми, какъ волости Великаго Новгорода, были володѣтели Ярецъ, Ѳеодоръ Брюхо и др. ³⁾.

Причина непрочности власти Великаго Новгорода въ Югорской землѣ заключалась, безъ сомнѣнія, во первыхъ, въ томъ, что эта земля находилась очень далеко отъ господствующаго центра и вслѣдствіе своей отдаленности представляла для новгородцевъ условія, не выгодныя

¹⁾ Акты, собранные археогр. эксп., т. I, № 87.

²⁾ Акты археогр. экспед., т. I, С.-Пб., 1836, № 2.

³⁾ Пермская лѣтопись. Составилъ Шихонко. Пермь, 1861, стр. 27, подъ 1471 годомъ.

для частыхъ сношеній съ нею, а только посредствомъ этихъ сношеній власть Великаго Новгорода и могла тамъ упрочиться. Кроме того, новгородцы, по совершенно справедливому замѣчанію г. Барсова, „были стѣспени въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ постояннымъ противодѣйствіемъ со стороны поволжскихъ князей, которые очень рано овладѣли важнымъ пунктомъ на водномъ заволочкомъ пути, Устюгомъ, и перерывали сношенія ихъ съ Югорской землей. Новгородъ отправлялъ въ Югру своихъ данщиковъ, подкрѣпляя ихъ значительными военными силами какъ для отпора обычнымъ нападеніямъ устюжскихъ князей и двинянъ, такъ и для борьбы съ югорцами, отъ которыхъ они должны были постоянно ожидать сопротивленія. При такихъ условіяхъ Новгородъ, конечно, не могъ, хотя и называлъ Югру своею волостью, завести въ ней славянскія поселенія, ни дать ей своего управленія. Югра управлялась своими князьями, вела съ данщиками упорную борьбу, изъ которой новгородцы выходили не всегда съ успѣхомъ“¹⁾.

Итакъ, новгородцы, называя землю Югорскую своею волостью, указывали этимъ только на свое право (если вообще возможно такое право) предпринимать туда походы для сбора дани, размѣръ которой зависѣлъ отъ произвола „данщиковъ“.

Вогулы, принадлежащіе вмѣстѣ съ остяками къ такъ-называемому югорскому или угорскому племени, жили издавна по западнымъ, а болѣе по восточнымъ склонамъ Уральскихъ горъ, въ бассейнѣ рѣкъ Камы и Оби. Они занимали главнымъ образомъ мѣста по рѣкамъ Колвѣ, Вишерѣ (въ бассейнѣ Камы) и по Тавдѣ, а также въ верховьяхъ Большой Сосвы (бассейнъ р. Оби). По ихъ собственнымъ преданіямъ, они съ древнѣйшихъ временъ жили въ этихъ краяхъ²⁾ Древній общественный бытъ вогуловъ, какъ кажется, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ быта остяковъ (югры). Подобно послѣднимъ, жили они по временамъ отдѣльными родами, во главѣ которыхъ стояли старшины-родоначальники. Нѣсколько родовъ иногда признавали одного общаго начальника, въ родѣ князя. Въ извѣстіяхъ о древнѣйшихъ сношеніяхъ русскихъ съ вогулами упоминаются иногда вогульскіе князья, какъ, напримѣръ, Асыка³⁾, затѣмъ сынъ его Юмшанъ

¹⁾ Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Исслѣдованіе *Н. П. Барсова*. Изд. 2-е. Варшава. 1885. Стр. 63—64.

²⁾ Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. *Кирла Вилгельма Миллера*. С.Пб., 1776, ч. I, стр. 70.

³⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ, М., 1819, стр. 189.

и князь Пыткой¹⁾. Впрочемъ, вогулы въ отношеніи организаціи общественнаго быта, сравнительно съ остяками (югрой, югричами), какъ кажется, стояли нѣсколько ниже. Мы, напримѣръ, не находимъ извѣстій ни объ одномъ „большомъ“ вогульскомъ князѣ, между тѣмъ какъ у остяковъ такимъ „большимъ“ княземъ былъ одно время Молданъ. Затѣмъ, вообще встрѣчается мало свѣдѣній о вогульскихъ князьяхъ, тогда какъ о князьяхъ югорскихъ (остяцкихъ) въ источникахъ упоминается довольно часто. Поэтому можно думать, что вогулы, большей частью, жили отдѣльными родами, не соединяясь въ болѣе или менѣе значительные общественные союзы.

О значеніи вогуловъ для поступательнаго движенія русскихъ въ Зауральскія страны нужно замѣтить, что этотъ народецъ не игралъ выдающейся роли. Судьба вогуловъ тѣсно была связана съ судьбою Югорской земли, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ которою они жили. И мы, говоря о политическихъ отношеніяхъ Московскаго государства къ Югорской области, въ то же время будемъ упоминать и о вогулахъ, если только они чѣмъ-либо заявляютъ о своемъ существованіи въ этихъ случаяхъ.

Со второй половины XV столѣтія дѣятельная роль новгородцевъ въ походахъ на Югорскую землю прекратилась, вслѣдствіе паденія политической самостоятельности Великаго Новгорода, и попытки проникнуть въ сѣверо-западную Азію принадлежать или жителямъ областей, входившихъ въ составъ Московскаго государства, или самому московскому правительству. Съ уничтоженіемъ политической автономіи Великаго Новгорода, область котораго присоединилась къ владѣніямъ великаго князя московскаго, естественно, и волости новгородскія на сѣверѣ подчинились этому князю. Такъ, въ 1471 году московскіе воеводы, Василій Ѳеодоровичъ Образецъ и Борисъ Слѣпецъ, овладѣли Двинскою и Печорскою землями и жителей этихъ земель привели въ подданство московскому князю²⁾. Въ слѣдующемъ 1472 году московскіе воеводы князь Ѳеодоръ Пестрый и Гаврило Нелидовъ заняли Пермскую волость, при чемъ захватили въ плѣнъ пермскихъ воеводъ Кача, Бурмата, Мичкина, Зирана и туземнаго князя христіанскаго исповѣданія Михаила³⁾. Эти завоеванія придвинули

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, Карамзина, изданіе Эйнерлинга, т. VI, примѣч. 461, выписка изъ Синод. глѣт. № 365.

²⁾ Исторія государства Россійскаго, Карамзина, т. VI, изд. Эйнерлинга, стр. 28.

³⁾ Ibid, стр. 33. Во время похода русскихъ въ Пермь въ 1472 году, московскими воеводами также были захвачены новгородскіе „владельцы“, управляв-

московскія владѣнія къ Югорской землѣ, которая въ извѣстномъ отношеніи считалась новгородскою волостью. Право походовъ въ Югорскую землю, принадлежавшее до сихъ поръ новгородцамъ, перешло теперь къ московскимъ князьямъ. Конечно, московское правительство собственно по своей инициативѣ могло при удобномъ случаѣ предпринять походъ въ Югорскую землю для окончательнаго завоеванія этой волости Великаго Новгорода; однако, оно принуждалось къ этому еще и внѣшними обстоятельствами. Такъ, вогулы, жившіе сопредѣльно съ московскими пограничными землями и на пути въ Югорскую землю, тревожили своими нападеніями жителей Пермскаго края. Въ 1455 году вогулы, руководимые своимъ княземъ Асыкой и сыномъ его Юшавомъ, сдѣлали набѣгъ на мѣста по рѣкѣ Вычегдѣ, при чемъ ими былъ убитъ пермскій епископъ Питиримъ ¹⁾. Великій князь московскій Василій Васильевичъ Темный, занятый борьбою съ самимъ Великимъ Новгородомъ, не могъ въ то же время предпринять что-либо въ отношеніи отдаленныхъ новгородскихъ волостей. И только въ 1465 году великій князь московскій Іоаннъ Васильевичъ, сынъ Василя Темнаго, обратилъ нѣкоторое вниманіе на далекую Югорскую землю. При этомъ интересенъ пріемъ, которымъ пользовался московскій князь при завладѣніи Югорской землей. Великій князь не отважился послать своихъ воеводъ съ войскомъ въ малозвѣстныя страны сѣверо-западной Азии, не развѣдавъ предварительно объ этихъ странахъ чрезъ частныхъ лицъ, способныхъ на подобное дѣло. Предпринимчивые люди для такой рекогносцировки Югорской земли въ то время легко могли явиться. И вотъ въ 1465 году великій князь московскій Іоаннъ Васильевичъ приказалъ устюжанину Василю Скрабѣ идти походомъ въ Югорскую землю. Василій Скраба составилъ свой отрядъ, по выраженію лѣтописи, изъ „хотячихъ людей“. Затѣмъ къ Скрабѣ присоединился вымскій князь Василій Ермоличъ, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ вымчанъ и вычегжанъ. Походъ Скрабы изъ Устюга въ Югру увѣнчался успѣхомъ для русскихъ добровольцевъ. Скраба захватилъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ югорскихъ князей Калпака и Течика. Земля Югорская приведена въ подданство московскому князю. Плѣнные князья отправлены

шіе Пермской землей—Ярецъ, Федоръ Борисовичъ Брюхо, Юрій Захаровичъ и Иванъ Гавриловъ.—Пермская лѣтопись. Составилъ Шимонко, Пермь, 1881, стр. 27.

¹⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ. М., 1819, стр. 160: „Лѣта 6963 приходилъ вогульскій князь Асыка да сынъ его Юшавъ ратью съ вогулича на Вычегду, да владьку Питирима пермскаго убилъ“.

въ Москву. Но великій князь возвратилъ имъ отнятое у нихъ Югорскою княжество и отпустилъ ихъ домой, паложивъ на нихъ и на принадлежавшія имъ владѣнія опредѣленную дань. Главный руководитель русскихъ въ этомъ походѣ Василій Скрыба получилъ отъ великаго князя пожалованіе ¹⁾. Замѣтимъ, что въ извѣстіи объ этомъ походѣ въ первый разъ говорится о приведеніи земли Югорской въ русское подданство и о наложеніи на обитателей этой страны опредѣленной дани.

Асыка, вогульскій князь, нападавшій въ 1455 году на пермскіе предѣлы, въ 1467 году долженъ былъ самъ защищаться отъ нападеній со стороны русскихъ. Въ этомъ году вятчане, въ числѣ 120 человекъ, и присоединившіеся къ нимъ пермяки предприняли походъ на вогуловъ, ближайшихъ сосѣдей земли Югорской. Походъ этотъ для русскихъ имѣлъ удачный исходъ. Самъ князь вогульскій Асыка былъ захваченъ русскими въ плѣнъ и приведенъ въ Вятскую землю ²⁾. Однако, Асыка какимъ-то образомъ освободился изъ плѣна: по крайней мѣрѣ, въ 1483 году онъ жилъ въ своей Вогульской землѣ, какъ это видно изъ лѣтописнаго извѣстія о походѣ московской рати въ Югорскую землю въ этомъ году.

Въ 1481 году какой-то Андрей Мишневъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ „шильниковъ“ и устюжанъ, ходилъ въ Великую Пермь и, между прочимъ, при столкновеніи съ вогулами около города Чердыни нанесъ имъ пораженіе ³⁾. Подъ „шильниками“, участвовав-

¹⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ, М., 1819, стр. 166: „Лѣта 6973 великъ князь великій Иванъ Васильевичъ Василью Скрыбѣ Устюжанину Югорскую землю воевати, а шли съ нимъ хотачіе люди, да съ нимъ же ходилъ князь Василій Вымскій Ермоличъ, съ Вымечи, и съ Вычегжани, а пошла рать съ Устюга, мѣсаца мая въ 9 день. Они же шедше, да Югорскую землю воевали, и полону много вывели, и землю за великаго князя привели, а князей югорскихъ Калпака, да Течина къ великому князю Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великій ихъ пожаловалъ Югорскими княженіемъ, отпустилъ ихъ въ Югру, а на нихъ дань возложилъ, и на всю землю Югорскую, а Скрыбу пожаловалъ“.

²⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ, М., 1819, стр. 168: „Лѣта 6975 Вятчанъ 120 человекъ ходили на Вогуличи, да съ ними Пермяки Вогуличъ воевали, а князя Вогулскаго Асыку и на Вятку привели“.

³⁾ Ibid., стр. 189: „Лѣта 6989 Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь, да побили Вогуличъ подъ Чердынемъ... По смыслу П. Кептени (Хронолог. указ. матер. для ист. инородцевъ Евр. Россіи, С.-Пб., 1861, стр. 66), слово „шильникъ“ въ дополненіи къ „Опытъ областного велико-русскаго словаря“ объясняется выраженіемъ „мелочной торговецъ“. — Дербергъ, въ своемъ изслѣдованіи о Югріи, подъ шильниками разумѣетъ воля-

шими въ этомъ походѣ въ землю Вогульскую, вѣроятно, разумѣются бездомовные люди, собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ и городовъ, другими словами, всякій сбродъ людей, шайка вольницы. Можно предпологать, что походъ этотъ былъ одною изъ частныхъ попытокъ развѣдать о земляхъ Вогульской и Югорской, при поощреніи великаго князя московскаго или его намѣстника въ Устюгѣ, такъ какъ въ отрядѣ Андрея Мишнева участвовали также устюжане.

Послѣ окончательнаго покоренія Великаго Новгорода и присоединенія его территоріи къ Московскому государству, великій князь Іоаннъ Васильевичъ вспомнилъ и объ Югорской землѣ, считавшейся, хотя и номинально, въ ряду новгородскихъ волостей, и рѣшилъ присоединить ее къ московскимъ владѣніямъ. 9 мая 1483 года, по повелѣнію великаго князя, московскіе воеводы князь Федоръ Курбскій-Черный и Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Травинъ съ довольно большимъ отрядомъ отправились въ земли Югорскую и Вогульскую. Въ послѣдней князьями въ то время были извѣстный уже намъ Асыка и сынъ его Юмшанъ. Отрядъ московскихъ воеводъ состоялъ изъ устюжанъ, вологжанъ, вычегожанъ, вымичанъ, сисоличей и пермяковъ. Первое сраженіе у русскихъ въ этомъ походѣ произошло съ вогулами при устьѣ рѣки Целыма (по лѣтописи, Целыни), притока рѣки Тавды. Вогулы, имѣвшіе своимъ предводителемъ князя Юмшана, сына Асыки, потерпѣли отъ русскихъ пораженіе, но самъ князь Юмшанъ успѣлъ убѣжать. Русскіе въ этомъ случаѣ потеряли убитыми только семь человекъ (устюжанъ), а „вогуличъ,—по словамъ лѣтописи,—паде много“. Въ извѣстіи объ этомъ походѣ въ первый разъ говорится о пути, по которому шла московская рать въ Югорскую землю. Воеводы, разбивъ вогуловъ, шли сначала внизъ по теченію рѣки Тавды, лѣваго притока р. Иртыша, миновали мѣста около нынѣшняго города Тюмени на р. Турѣ, лѣвомъ притокѣ р. Тобола, затѣмъ пришли въ Сибирскую землю, то-есть, въ мѣста около впаденія р. Тобола въ р. Иртышъ; наконецъ, они преслѣдовали внизъ

виду. Въ извѣстіи Архангелогородскаго лѣтописца (М., 1819, стр. 176) о походѣ Устюжскаго намѣстника Василія Федоровича Образца на Двинскую землю также упоминаются „шильники изъ Новгорода“. Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, т. VI, примѣч. 59) предполагаетъ, что въ этихъ Новгородскихъ шильникахъ слѣдуетъ видѣть просто бродягъ, разныхъ сбродъ людей. Въ областномъ сибирскомъ нарѣчій слово шильникъ, на сколько намъ извѣстно, означаетъ плута, мошенника. Можно, кажется, признать слово „шильники“ равнозначущимъ съ выраженіями—скопце разныхъ бездомныхъ людей, толпа вольницы, бродягъ.

по теченію рѣки Иртыша до впаденія его въ р. Обь, гдѣ уже была земля Югорская. На пути въ эту землю московскіе воеводы захватили много плѣнныхъ и награбили много разнаго богатства. Прїиди въ Югорскую землю, воеводы захватили въ плѣнъ нѣкоторыхъ югорскихъ князей, въ томъ числѣ главнаго князя земли Югорской Молдана и двухъ сыновей князя Екмыча¹⁾. Потери русскихъ убитыми собственно въ сраженіяхъ съ Югрой были, повиднмому, незначительны; по крайней мѣрѣ, лѣтописное извѣстіе о походѣ ничего не говоритъ объ этихъ потеряхъ. Но за то въ отрядѣ русскихъ, бывшихъ въ землѣ Югорской, свирѣпствовали какія-то болѣзни, отчего перемерло много людей въ отрядѣ, особенно вологжанъ. Устюжане же потеряли только семь человекъ, убитыхъ при началѣ похода, въ сраженіи съ вогулами. О судьбѣ другихъ участниковъ похода (вычегжанъ, вымичанъ, сысоличей и пермяковъ) лѣтопись умалчиваетъ. Окончивъ свои завоеванія, отрядъ возвратился въ г. Устюгъ въ концѣ сентября мѣсяца 1483 года, пробывъ въ походѣ около пяти мѣсяцевъ²⁾.

Походъ московскаго войска въ Югру, подъ предводительствомъ князя Курбскаго - Чернаго и Ивана Ивановича Салтыка-Травина, произвелъ громадное впечатлѣніе на обитателей сѣверо-западной Азіи, испытавшихъ на себѣ тяжелые удары русскихъ завоевателей.

¹⁾ О захватѣ русскими въ плѣнъ сыновей Екмыча см. Ист. Гос. Росс. *Ладзмина*, изд. Эйерлингъ, т. VI, примѣч. 461.—Извѣстіе о плѣнѣ главнаго князя земли Югорской Молдана заключается въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, М., 1819, стр. 191.

²⁾ Архангелог. лѣтописецъ, стр. 189, изд. въ М., 1819, извѣстіе подъ 6991-мъ годомъ: „Въ лѣто 6991 князь великій Иванъ Васильевичъ посла рать на Асыку на вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь, великую рѣку; а воеводы были великаго князя князь Федоръ Курбскій Черный, да Иванъ Ивановичъ Салтыкъ Травинъ, а съ ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысолячи, пермяки; и бмсть ннъ бой съ вогулича на усть рѣки Пеллини. На томъ бою убили устюжалъ семь человекъ, а вогуличъ паде много, а князь вогульскій Юмшанъ убѣжалъ, а воеводы великаго князя оттодѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полону взяли много, а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю, и князей югорскихъ воевали, и въ полоухъ вели; а пошла рать съ Устюга маѣ въ 9 день, а на Устюгъ пришли на Покровъ святыхъ Богородицы, а въ Югрѣ померло вологжанъ много, а устюжане всѣ вышли“. Иванъ Ивановичъ Салтыкъ-Травинъ, воевода московскаго войска, передъ отправленіемъ въ Югорскій походъ въ 1483 году составилъ духовную, которая напечатана въ Актахъ юридическихъ, изданныхъ археографическою комиссіей (С.-Пб. 1838), № 418, стр. 440.

Разные князья югорскіе, вогульскіе и даже одинъ сибирскій князь спѣшили изъявить свою покорность великому князю московскому. При этомъ любопытна дѣятельность пермскаго епископа Филоея, какъ посредника между этими униженными, слабыми князьями и гордымъ и могущественнымъ повелителемъ Московскаго государства.

Вогульскій князь Юмшанъ, ускользнувшій отъ преслѣдованій московскихъ воеводъ во время похода русскихъ въ землю Югорскую въ 1483 году, прислалъ въ слѣдующемъ 1484 году къ великому князю московскому своего родственника вогула Юргу и сотника вогула Анонма съ челобитной о своемъ помилуваніи. Главнымъ „печальникомъ“ о князѣ Юмшанѣ выступилъ пермскій епископъ Филоея. Великій князь московскій далъ Юмшану опасную грамоту, которая послѣднему была доставлена Левашомъ, слугою епископа Филоея. Юмшанъ, получивъ опасную грамоту отъ великаго князя, явился въ 1485 году (18-го августа) съ этою грамотою къ епископу Филоею въ Устьвымскій городъ въ сопровожденіи двонхъ вогуловъ, изъ которыхъ одинъ былъ тестъ его Калба, а другой назывался Ломотко. Въ этомъ же году, 1-го сентября, епископъ Филоея съ княземъ Юмшаномъ и съ вышеупомянутыми вогулами отправился для челобитья къ великому князю въ Москву.

Въ 1484 году также прибылъ къ великому князю московскому югорскій князь Пыткея съ богатыми дарами отъ кодскихъ (кондинскихъ) князей Лаба и Чангила и вообще отъ всей земли Югорской бить челомъ объ освобожденіи захваченнаго русскими въ плѣнъ главнаго югорскаго князя Молдана и другихъ князей. Великій князь, принимая во вниманіе „печалованіе“ за югорскихъ князей со стороны пермскаго епископа Филоея и Владиміра Григорьевича Ховрина, кавначя, а также имѣя въ виду политическіе расчеты, исполнилъ просьбу Пыткея. Всѣ князья югорскіе приведены были въ подданство великому князю съ обязательствомъ платить установленную дань, пожалованы принадлежавшими имъ землями и отпущены восвояси.

Кромѣ договора, заключеннаго въ 1484 году въ Москвѣ между великимъ княземъ Московскимъ и князьями вогульскими, кодскими (кондинскими) и югорскими, 4-го января 1485 года, состоялся между жителями Пермскаго края и тѣми же князьями еще другой договоръ, который имѣлъ спеціально мѣстное значеніе, то-есть, населеніе Пермской области старалось обезопасить себя этимъ договоромъ отъ возможныхъ набѣговъ со стороны обитателей земель Вогульской и Югорской. Договоръ этотъ былъ заключенъ недалеко отъ Устьвымскаго

города, тамъ, гдѣ имѣлъ свою резиденцію пермскій епископъ Филосей. При заключеніи договора, съ одной стороны, были князья кодскіе (кондинскіе) и югорскіе Молданъ съ сыновьями, Пынзей, Сонта и Пыткей, какъ представители отъ своихъ земель, съ другой стороны — вымскіе князья Петръ и Ѳеодоръ, вычегодскій сотникъ Алексѣй Казакъ и владычній слуга Левашъ, какъ представители отъ земли Пермской. Главныя условія договора, предписанныя со стороны пермяковъ князьямъ вогульскимъ, югорскимъ и кодскимъ (кандинскимъ), состояли въ томъ, чтобы послѣдніе „лиха не смыслили, ни силы не чинили надъ Пермскими людьми, а великому князю правились во всемъ“. Заключеніе этого договора князья вогульскіе, югорскіе и кодскіе закрѣпили своею клятвою, состоявшею въ томъ, что они, по своему обычаю, пили съ золота воду. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1485 года всѣ эти князья отправились въ свои земли ⁴⁾.

⁴⁾ Исторія Гос. Росс. *Карамзина*, изд. Эйнерлинга, т. VI, примѣч. 461, выписки изъ Синод. лѣт., № 365: „Того же лѣта (1484) приходили къ великому князю отъ Вогулятскаго князя Юмшана, Асмына сына, бити челомъ о опасѣ шурину (шуринъ) его вогулятинъ Юрга, да сотникъ его вогулятинъ Анеинъ, а печаловался о немъ владыка Филосей Пермскій и князь великій опасъ долъ, и послалъ владыка съ великаго князя опасомъ къ Юмшану слугу своего Леваша.— Того же лѣта приходилъ къ великому князю бити челомъ вогулятинъ князь Пыткей съ поминки съ великими отъ князей кодскихъ, отъ Лаба да отъ Чапгила, и отъ всея земли Кодскіе и Югорскіе, да били челомъ о помоненныхъ князяхъ, о Молданъ съ товарищи, и князь великій отсутствовалъ ихъ во свою землю, да и Пыткей печалованіемъ владыки Филосея, да Володимера Григорьевича Ховрина.—Того же зимы января 4 (1485 г.) князи кодскіе, Молданъ съ дѣтми, да Пынзей, да Сонта, да Пыткей имали миръ подъ владычанымъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ князьими, съ Петромъ да съ Ѳеодоромъ, да съ Вычегодскимъ сотникомъ Алексѣемъ Казакомъ, да съ владычанымъ слугою съ Левашомъ, на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермскими людьми, а великому князю правитись во всемъ; а крѣпость ихъ, со золота воду пили, и пойдоша въ свою землю есврала.... Августа 18 приде ко Владыцѣ Филосею на Усть Выми по опасу вогульскій князь Юмшанъ, а съ нимъ вогуличи, тестъ его Калба да Ловотно, сентября въ 1 поиде съ ними Филосей къ великому князю бити челомъ“... Извѣстія Архангелородскаго лѣтописца (изд. въ М., 1819, стр. 191) о мирныхъ договорахъ русскихъ съ князьими Югорской и Вогульской земель послѣ похода 1489 года не отглачаются полностью однако эти извѣстія должны быть приняты во вниманіе, такъ какъ въ нихъ находится, между прочимъ, не лишнее интереса упоминаніе о „сибирскомъ князѣ Дяткѣ“. Вотъ что сообщается въ Архангелогор. лѣт. о переговорахъ Московскаго правительства съ югорскими и вогульскими князьими послѣ похода 1483 года: „Весны 6992 пришаи съ челобитыемъ князя вогульскія и югорскія, вогульскій

Изъ того дѣятельнаго участія, которое принималъ въ заключеніи мирныхъ договоровъ съ югрой и вогулами пермскій епископъ Филоея, можно, кажется, заключить, что онъ при этомъ имѣлъ главною цѣлью распространеніе христіанства между дикими народами Зауральскаго края. Мы не находимъ многихъ и положительныхъ доказательствъ плодотворности такой дѣятельности епископа Филоея. Но христіанское имя „Анеимъ“ одного вогула, приходившаго съ челобитьемъ отъ вогульскаго князя Юшпана къ великому князю въ Москву, по-видимому, указываетъ на небезплодность христіанской проповѣди русскихъ просвѣтителей, по крайней мѣрѣ, среди вогуловъ.

Затѣмъ, нельзя не замѣтить, что во время заключенія этихъ мирныхъ договоровъ происходили довольно дѣятельныя сношенія между русскими, съ одной стороны, и вогулами и обитателями земли Югорской, съ другой. Многие князья вогульскіе, югорскіе и кодскіе со своими людьми приходили въ Москву и Пермскую область. Русскіе, по дѣламъ мирныхъ переговоровъ, также ходили въ земли этихъ князей: такъ Левашъ, слуга епископа Филоея, доставлялъ опасную грамоту Юшпану, князю земли Вогульской. Путемъ такихъ сношеній, безъ всякаго сомнѣнія, русскіе пріобрѣтали кое-какія географическія и этнографическія свѣдѣнія о земляхъ Вогульской и Югорской.

Не смотря на то, что въ 1483 году русскіе совершили очень удачный походъ въ земли Югорскую и Вогульскую, обитатели этихъ земель, однако, не подчинились вполне русскому господству, и русскіе, для окончательнаго подчиненія упомянутыхъ земель своей власти, предприняли въ 1499 году еще въ большихъ размѣрахъ походъ за Уралъ, въ сѣверо-западную Азію.

Воеводами въ Югорскомъ походѣ 1499 года были князь Семенъ Федоровичъ Курбскій, князь Петръ Федоровичъ Ушатый и Василій Ивановичъ Гавриловъ (Заболоцкій-Бражникъ). У каждаго воеводы было по отдѣльному отряду. Отрядъ Курбскаго состоялъ изъ устюжанъ, въ числѣ 1.304 человекъ, и изъ вятчанъ и жителей Вязьмы, въ числѣ 500 человекъ. Всего въ отрядѣ Курбскаго было такимъ образомъ 1.804 человекъ. Второстепенными начальниками въ этомъ отрядѣ, подчиненными князю Курбскому, были Цыгоръ и Владиміръ Сугорскіе, боярскіе дѣти, затѣмъ—Константинъ Яковлевичъ Путынь,

князь Юшпанъ, да Калпа, а сибирскій князь Лятякъ, а югорскій князь Пыткой, а болшей князь югорскій Молданъ, того съ собою напередъ князь Федоръ Курбскій привелъ. И князь великій за себя ихъ привелъ, и дань на нихъ уложилъ, да пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ воевоея“.

Левъ Ивановичъ Алексѣевъ и Петръ Коповъ. Послѣдніе трое—вятчане, которые, послѣ окончательнаго подчиненія Вятки великому князю московскому въ 1489 году, были записаны „въ слуги великому князю“ и надѣлены помѣстьями въ Московской землѣ ¹⁾.

Въ отрядѣ князя Ушатаго были вятчане, важане и пинжане, въ числѣ 1.920 человекъ. Начальниками въ этомъ отрядѣ, зависѣвшими отъ князя Ушатаго, были вологодскіе дѣти боярскіе Никита Тимофеевичъ Мотафтинъ и Никита Кушниковъ; кромѣ того, также нѣсколько человекъ вятчанъ, поселенныхъ въ Московской землѣ и надѣленныхъ помѣстьями: Гавриилъ Сафоновъ, Иванъ Синкинь-Бобровниковъ и Иванъ Юшинъ.

Третій отрядъ находился подъ начальствомъ Гаврилова (Заболоцкаго-Бражника). Помощниками его были вологодскіе дѣти боярскіе Осипъ Савельевъ и Ѳедоръ Неправдивъ и вятчане, поселенные въ Московской землѣ, Яковъ и Григорій Татариновы. Въ отрядѣ Гаврилова было 200 человекъ вятчанъ и, судя по разрядному росписанію югорскаго похода 1499 года, 100 человекъ разныхъ инородцевъ, какъ-то эрзянъ, арянъ, татаръ и вотяковъ. Такимъ образомъ, по росписанію, весь отрядъ Гаврилова долженъ былъ состоять изъ 300 человекъ, что мало вѣроятно, если принять во вниманіе, какъ это увидимъ ниже, что Гавриловъ, дѣйствуя совершенно независимо отъ воеводъ князей Курбскаго и Ушатаго, тѣмъ не менѣе взялъ, по выраженію донесенія объ этомъ югорскомъ походѣ, „50 городовъ да 50 головъ“. Надо думать, что въ отрядѣ Гаврилова, при самомъ снаряженіи въ походъ, войска было гораздо болѣе 300 человекъ. Къ этому же предположенію приводитъ и то соображеніе, что если вполне довѣрять разрядному росписанію похода, то самое число людей, назначенныхъ въ походъ отъ каждой изъ инородческихъ группъ (эрзянъ, арянъ, татаръ и вотяковъ), было бы чрезвычайно малымъ: каждому изъ четырехъ племенъ приходилось бы представить для похода, среднимъ числомъ, всего только по 25 человекъ, такъ какъ всѣхъ инородцевъ отъ четырехъ группъ въ отрядѣ Гаврилова, по росписанію похода, назначалось 100 человекъ. Предполагая въ отрядѣ Гаврилова болѣе 300 человекъ, нельзя принять за достовѣрное и общее число войска, участвовавшаго въ походѣ въ Югорскую землю въ 1499 году, какъ это число обозначено въ разрядномъ росписаніи похода, — 4.024 человекъ.

¹⁾ Архангелогородскій летописецъ, М., 1819, стр. 198.

Разсматривая, изъ какихъ элементовъ было составлено московское войско, совершившее югорскій походъ 1499 года, находимъ, что непремѣнною частью каждаго изъ трехъ отрядовъ этого войска были вятчане, и при томъ въ числѣ незначительномъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что они должны были исполнять главнымъ образомъ роль путеводителей для московскаго войска, какъ люди, которымъ были извѣстны дороги на сѣверо-востокъ древней Россіи и сѣверо-западъ Авіи.

По донесенію объ югорскомъ походѣ 1499 года, сохранившемся въ нѣкоторыхъ разрядныхъ книгахъ, движеніе московскаго войска имѣло слѣдующее главное направленіе.

Три отряда разными путями сошлись на рѣкѣ Печорѣ, затѣмъ шли вмѣстѣ до Уральскаго хребта. Перейдя черезъ Уральскія горы, московское войско раздѣлилось, какъ можно судить по донесенію о походѣ, на двѣ части. Одна часть войска была подъ совмѣстнымъ предводительствомъ воеводъ князей Курбскаго и Ушатаго, а другая часть, по числу уступающая первой, находилась подъ командою Гаврилова. Послѣ перехода черезъ Уральскія горы та и другая часть войска, совершивъ завоеванія въ землѣ Югорской, соединились около Ляпина, югорскаго (остяцкаго) городка, находившагося, какъ и нынѣшняя остяцкая деревня этого имени, на берегу рѣки Сукеръ-я, притока р. Сыгвы.

Теперь постараемся опредѣлить, по какому направленію въ отдѣльности каждый отрядъ московскаго войска совершалъ свой путь въ Югорскую землю. Движеніе всѣхъ трехъ отрядовъ началось изъ земли Московской, въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ сами воеводы были назначены въ походъ въ Москвѣ. Кромѣ того, вятчане, получившіе приказаніе участвовать въ этомъ походѣ, также жили въ Московской землѣ. Они, послѣ окончательнаго подчиненія Вятки великому князю московскому, были посажены на помѣстья или поселены въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ ¹⁾.

Такъ какъ, по росписанію похода, главную часть отряда князя Курбскаго должны были составлять устюжане, то вѣроятно же всего, что Курбскій изъ Москвы шелъ прежде всего на городъ Устюгъ, гдѣ присоединилъ къ своему отряду устюжанъ. Далѣе онъ направился отъ Устюга внизъ по Сѣверной Двинѣ до впаденія въ нее рѣки Вычегды, затѣмъ поднялся вверхъ по Вычегдѣ. Чтобы перейти съ Вычегды

¹⁾ Архангелогородскій летописецъ, М., 1819, стр. 198.

на рѣку Печору, Курбскій могъ выбрать одну изъ трехъ дорогъ: во первыхъ, можно было по рѣкамъ Выму и Ухтѣ чрезъ волокъ дойти до рѣки Ижмы, лѣваго притока рѣки Печоры; вторыхъ, дорога къ р. Печорѣ шла по рѣкамъ Вычегдѣ и Чери (по правому притоку р. Вычегды) черезъ волокъ къ рѣкѣ Ижмѣ; и, наконецъ, третій путь съ Вычегды на Печору могъ провести съ рѣки Вычегодской Мылвы на Печорскую ¹⁾. По какой именно изъ этихъ трехъ дорогъ съ Вычегды на Печору шелъ со своимъ отрядомъ князь Курбскій, рѣшить трудно, такъ какъ въ извѣстіяхъ о походѣ нѣтъ никакихъ указаній по этому предмету.

Другой воевода, князь Ушатый, съ вятчанами отправился изъ Московской земли на судахъ по рѣкамъ Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ внизъ до рѣки Пинеги, затѣмъ вверхъ по р. Пинегѣ до волока, который отдѣляетъ эту рѣку отъ р. Кулоя. На р. Пинегѣ Ушатый присоединилъ къ своему отряду пинежанъ и дождался прибытія важанъ, такъ какъ, по росписанію похода, пинежане и важане должны были составлять главную силу отряда этого воеводы. Когда отрядъ былъ совсѣмъ въ сборѣ, Ушатый 20-го іюля продолжалъ путь далѣе. Онъ, перейдя Пинежскій волокъ между Кулоемъ и Пинегой, пошелъ внизъ по р. Кулою. Съ этой рѣки воевода перешелъ на р. Мезень, затѣмъ съ Мезени разными путями достигъ рѣки Печоры. Съ Мезени на Печору онъ шелъ, по всей вѣроятности, по тому почти прямому пути, который идетъ вверхъ по Певѣ, правому притоку р. Мезени, затѣмъ по Рочугѣ, одной изъ двухъ рѣкъ, образующихъ Певу, черезъ Певскій 15-тиверстный волокъ, по рѣкѣ Чиркѣ, притоку Цыльмы, впадающей въ Печору ²⁾.

Третій отрядъ подъ предводительствомъ Гаврилова двигался сначала Волгою къ р. Камѣ. На этомъ пути Гавриловъ долженъ былъ, по росписанію похода, присоединить къ своему отряду разныхъ инородцевъ, какъ-то: татаръ, арянъ, жившихъ около Казани, вотяковъ и нѣсколько человекъ эрянъ ³⁾. Затѣмъ отрядъ Гаврилова Камю

¹⁾ Географическій словарь Россійской имперіи, *Семенова*, т. IV, стр. 107.

²⁾ О пути съ Мезени на Печору см. „Географич. словарь Россійской имперіи“, *Семенова*. т. IV, стр. 26; *Зап. Инп. Русск. Географ. Общ.*, кн. VI, Спб., 1852; О географич. свидѣніяхъ въ древн. Россіи, *Бяллева*, стр. 249.

³⁾ Эриа, эриане—часть мордовскаго народа; они и доселѣ называютъ себя этими именами и занимаютъ тѣ же мѣста по обѣимъ сторонамъ Оуры, въ полукругѣ, образуемомъ Окою и Волгою, и далѣ къ сѣверу и западу, граница съ своимъ единоплеменниками мокшами. „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, *Н. Ойрсова*. Казань, 1866, стр. 7.

поднялся до Колвы и изъ послѣдней, черезъ волокъ, перешелъ къ Печорѣ.

Всѣ три отряда сошлись на Печорѣ. Въ какомъ же именно мѣстѣ на р. Печорѣ произошло соединеніе отрядовъ, другими словами, съ какаго пункта на этой рѣкѣ московское войско направило свой путь черезъ Уральскія горы? Пути съ Печоры на Обь главнымъ образомъ опредѣлялись теченіемъ рѣкъ. Въ то время существовало три болѣе или менѣе важныхъ дороги изъ древней Россіи черезъ Уральскія горы въ сѣверо-западную Азію. Впервыя, можно было идти съ Печоры вверхъ по притоку этой рѣки, Усѣ; затѣмъ дорога лежала по притоку Усы, Пай-яръ-яга. Далѣе путь шолъ въ горахъ черезъ такъ называемый Большой переходъ къ истокамъ Соби, притока Оби ¹⁾. Вторая дорога съ р. Печоры лежала по р. Щугору черезъ Уральскія горы къ р. Сыгвѣ (Сысвѣ), притоку Сосвы, впадающей въ Обь ²⁾. Наконецъ, третій путь съ Печоры на Обь тянулся по р. Илычу, притоку Печоры, черезъ Уральскія горы къ р. Сосвѣ, притоку Оби ³⁾. По всей вѣроятности, всѣ три отряда сошлись на Печорѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ эту рѣку впадаетъ Щугоръ ⁴⁾. Съ этого пункта удобнѣе всего можно было направить путь черезъ Уральскія горы въ самый центръ Югорской земли. Такъ какъ въ то время, когда отряды соединились на Печорѣ, рѣки были уже покрыты льдомъ (движеніе соединившихся отрядовъ къ Уральскимъ горамъ началось во второй половинѣ ноября), то Московское войско продолжало свой путь на лыжахъ. Какъ извѣстно, зимою въ сѣверныхъ странахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, такой способъ передвиженія самый удобный. Соединенный отрядъ съ Печоры двинулся 20-го ноября. Переходъ отряда до Уральскихъ горъ длился 14 дней. Перейдя черезъ Уральскій хребетъ, московское войско раздѣлилось на двѣ части. Это уже не первый случай, что войско, совершающее походъ въ Югорскую землю, дѣлится на два отряда, при чемъ обыкновенно одинъ

¹⁾ Schrenk, I, стр. 458, по смыслу Семенова, въ его „Географ. слов. Росс. имперіи“, т. I, стр. 296.

²⁾ Описаніе Сиб. царства, Миллера, С.-Пб., 1750, стр. 75.

³⁾ Исследования, служащія къ объясненію древней русской исторіи, А. Х. Лерберга, С.-Пб. 1819, стр. 11.

⁴⁾ По мнѣнію Вильяема (см. Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., кн. VI, С.-Пб. 1852, „О географ. свѣд. въ древн. Россіи“, стр. 249), „всѣ три отряда должны были сойтись на Печорѣ не иначе какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Уса“.

отрядъ направляется для завоеваній вверхъ по р. Оби, а другой внизъ по ея теченію ¹⁾). Воеводы Ушатый и Курбскій съ одною частью войска, большею по числу, пошли съвернѣе къ низовьямъ р. Оби. На такое направленіе пути этихъ воеводъ указываютъ два обстоятельства. Вопервыхъ, въ горахъ они убили 50 человекъ самоѣдовъ и захватили у нихъ 200 оленей. Но встрѣтиться съ самоѣдами воеводы могли только въ томъ случаѣ, если они направили свой путь на сѣверъ,—по переходѣ черезъ Уралъ, отъ истоковъ р. Шугора, такъ какъ извѣстно, что самоѣды жили въ то время по западнымъ и восточнымъ склонамъ только сѣвернаго Урала ²⁾). Вторыхъ, ясно, что воеводы сначала направили свой путь къ нижнему теченію р. Оби, такъ какъ они прежде всего встрѣтились съ Югорскими князьями, во владѣніи которыхъ находились мѣста при устьѣ Оби, гдѣ жили обдоране. Эти князья югорскіе, какъ видно, предупредили приходъ московскаго войска къ самому устью Оби, заявивъ свое желаніе подчиниться безъ всякаго сопротивленія московскимъ воеводамъ. Въ донесеніи о походѣ сказано, что князья югорскіе выѣхали на встрѣчу воеводамъ на оленяхъ, а рать ихъ на собакахъ. Воеводы московскіе, безъ всякаго сомнѣнія, къ ранше захваченнымъ оленямъ (200 головъ) у самоѣдовъ присоединили еще оленей и собакъ, на которыхъ пріѣхали къ воеводамъ князья югорскіе со своею ратью, и, такимъ образомъ, воеводы продолжали путь не на лыжахъ, а, вѣроятно, на оленяхъ. Этимъ отчасти можно объяснить довольно скорый переходъ московскихъ воеводъ съ сѣвернаго Урала къ югорскому городку Ляпину. По донесенію о походѣ, этотъ путь отъ сѣвернаго Урала до городка Ляпина былъ совершенъ ими въ одну недѣлю ³⁾). Прибывъ,

¹⁾ Напримѣръ, еще въ 1364 году новгородскіе дѣти боярскіе и разныя „молодые люди“ съ воеводою Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпомъ, вступивъ въ Югорскую землю для завоеваній и для сбора дани, дѣйствовали тамъ двумя отрядами: одинъ изъ отрядовъ воевалъ по нижнему теченію Оби вплоть до Ледовитаго океана, а другой ходилъ вверхъ по Оби (П. С. Р. Л., т. IV, Новг. IV лѣтоп., извѣстіе подъ 6872 г.).

²⁾ Книга Вольшаго Чертежа, изд. Г. И. Стасскимъ. 1846, М., стр. 185.

³⁾ *Баллезъ*, въ указанной его статьѣ „О геогр. свѣд. въ древн. Россіи“, стр. 250, стараясь согласить сѣверное направленіе движенія отряда воеводъ Курбскаго и Ушатаго къ устьямъ Оби съ сравнительно скорымъ прибытіемъ этихъ воеводъ, по переходѣ черезъ Уралъ, въ городокъ Ляпинъ, — допускаетъ, кромѣ исторически извѣстнаго городка Ляпина, еще существованіе другаго Ляпина—обдорскаго, находящагося, по его предположенію, „гдѣ нибудь по теченію Собы“. Баллезъ утверждаетъ, что все московское войско въ 1499 г.

наконецъ, въ самую Югорскую землю, воеводы взяли городокъ Ляпинъ, затѣмъ еще тридцать три городка, захватили въ плѣнъ 1.009 человекѣкъ, принадлежавшихъ къ числу лучшихъ людей въ землѣ Югорской, и 50 человекѣкъ князей. О движеніи другой части московскаго войска подъ предводительствомъ Гаврилова въ донесеніи о походѣ не приводится особенныхъ подробностей. Во всякомъ случаѣ, эта часть московскаго войска дѣйствовала независимо отъ воеводъ. Въ разрядныхъ книгахъ только упоминается, что отрядъ Гаврилова также завоевывалъ городки и бралъ въ плѣнъ „головъ“, подъ которыми, какъ кажется, слѣдуетъ разумѣть югорскихъ старшинъ, или родоначальниковъ. При этомъ есть большое разногласіе въ свѣдѣніяхъ сообщаемыхъ разрядными книгами о завоеваніяхъ воеводы Гаврилова. По однимъ извѣстіямъ, отрядъ Гаврилова взялъ 50 городковъ и 50 головъ, по другимъ, только 8 городковъ и столько же головъ. Какъ кажется, слѣдуетъ принять за достовѣрное первое извѣстіе на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ свѣдѣнія о походѣ 1499 года утверждаютъ, что въ этотъ походъ вся Югорская земля была „звоевана“ московскими войсками. Если только допустить, что воеводами, князьями

перешло черезъ Уралъ по теченію р. Усы; такое направленіе похода, по мнѣнію этого ученаго, определяется изъ того, что воеводы, при переходѣ черезъ Уралъ, встрѣтились съ самоѣдами, которые, по свидѣтельству Книги Большаго Чертежа жили при верховьяхъ Усы, Кары и Соби и вплоть до устьевъ Оби. *Е. Е. Замысловскій*, въ своемъ изслѣдованіи „Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи“, С.-Пб., 1884, стр. 436 и 437, замѣчаетъ: „Если въ книгѣ „Большой Чертежъ“ говорится, что самоѣды жили при верховьяхъ Усы, то отсюда, конечно, еще нельзя дѣлать заключеніе о томъ, что это же самое племя въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка не простирало свои кочевья южнѣе Усы, не обитало тамъ, гдѣ находился Ляпинъ Югорскій... Въ описаніи пути отъ р. Печоры къ р. Оби, составленномъ около того самаго времени, къ которому относится походъ 1499—1500 гг., и не однимъ лицомъ, — а нѣсколькими, сохранилось слѣдующее свидѣтельство: составители этого описанія говорили автору „Записокъ о Московіи“, что „они отдыхали между устьями рѣкъ Шугора и Подчерема“. Слѣдовательно, русскіе отъ р. Печоры двигались не по рѣкѣ Усь, а южнѣе; съ рѣки Печоры отирались по тѣмъ притокамъ ея, которые отдѣляются Уральскими хребтомъ отъ рѣчной области Сосвы, той именно, гдѣ лежитъ Ляпинъ „Югорскій“... Далѣе тотъ же источникъ указываетъ на путь отъ Ляпина къ р. Сосвѣ. А въ рѣку Сосву, лѣвый притокъ Оби, впадаетъ съ лѣвой стороны р. Смыга, берущая начало съ восточнаго склона сѣв. Урала. При слияніи съ этою рѣкою рукава Сорахъ (Сукеръ-я) и находится остячная деревня Ляпина (Ломпусъ-пауль), Березовскаго округа, Тобольской губерніи. На мѣстѣ этой то деревни и находился Ляпинъ „Югорскій“, южнѣе мнимаго Ляпина „обдорскаго“.

Курбскимъ и Ушатимъ, было завоевано тридцать три городка и воеводой Гавриловымъ 8 городковъ, то придется въ такомъ случаѣ принять, что во всей Югорской землѣ и было всего только сорокъ одинъ городокъ. Но изъ указаній другихъ источниковъ извѣстно, что городковъ въ Югорской землѣ было, даже при неточныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ, далеко болѣе 40 ¹⁾. Такимъ образомъ, вѣрнѣе будетъ допустить, что воевода Гавриловъ со своимъ отрядомъ завоевалъ 50 городковъ и взялъ въ плѣнъ 50 головъ.

Это свѣдѣніе еще и потому весьма вѣроятно, что тутъ подъ городками разумѣются не такіе сравнительно большіе городки, какъ, напримѣръ, Ляпинъ, гдѣ жили князья, какъ начальники надъ нѣсколькими родами, а городки незначительные, все населеніе которыхъ, можетъ быть, состояло изъ одного только небольшого рода, начальникъ котораго и назывался у русскихъ головою, какъ объ этомъ говорится въ донесеніи о походѣ.

Совершивъ завоеванія въ Югорской землѣ, обѣ части московскаго войска соединились и возвратились вмѣстѣ въ предѣлы Московскаго государства ²⁾.

¹⁾ Въ описаніи „Большаго Чертежа“, географическомъ памятникѣ второй половины XVI столѣтія (изд. Г. И. Спасскимъ, М., 1846, стр. 203 и сл.), приводятся названія 38 древнихъ югорскихъ городковъ.—Абрамовъ, въ своей статьѣ „Описаніе Березовскаго края“ (*Записки Импер. Русск. Географ. Общества*, т. XII, С.-Пб. 1857, стр. 388 и сл.), даетъ списокъ 43-хъ древнихъ югорскихъ городковъ, замѣчаваный имъ изъ дѣлъ березовскаго земснаго суда 1797 года, по описи за № 641. Если сравнить тѣ и другія свѣдѣнія объ югорскихъ городкахъ, можно насчитать 67 различныхъ названій этихъ городковъ,—число, указывающее на значительность населенія Югорской земли.

²⁾ Описаніе похода русскихъ въ Югорскую и Вогульскую земли въ 1499 году составлено на основаніи слѣдующихъ извѣстій: Разрядное описаніе о снаряженіи этого похода (по указанію Вѣльева въ статьѣ его „О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Русѣ“, въ *Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общества* 1852 г., кн. VI-я): „Лѣта 7007 послалъ князь Великій въ Югорскую землю и на Вогуличи воеводѣ князя Семена Федоровича Курбскаго, да князя Петра Ушатого, да Василья Иванова сына Гаврилова. А со княземъ Семеномъ дѣтей бояръ въ Пыгора да Володѣ Сугорскихъ, да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Костю Яковлева сына Путвина, да Леву Иванова сына Алексѣева, да Петрушку Копова; а Устюманъ съ ними 1804 человекъ, а Вязимъ (жителей г. Вязьмы) и Вятчанъ (Вѣльевъ, какъ кажется, напрасно предполагаетъ, что нужно читать—Выминъ и Вычегманъ) 500 человекъ (Разрядная книга архива иностранныхъ дѣлъ № 181, стр. 16—17). Со княземъ Петромъ Ушатимъ дѣти боярскія Вологжане Микита Тимошеевъ сынъ Мотаеичъ, да Микита Кушмилонъ да Вятчанъ, которые живутъ въ Московской землѣ, Гаврила Семеновъ, да

Теперь, въ заключеніе обзора походовъ москвичей въ Югорскую землю и на вогуловъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ могущественнаго московскаго правительства къ Югорской и Вогульской землямъ.

Ивашка Смиксина Бобровникова, да Ивашка Юшина; а Вятчанъ съ ними и Важины и Певдья 2000 безъ 80 человекъ. А съ Васильемъ съ Ивановымъ смяномъ Гаврилова дѣти боярскіе Вологжаня: Осипъ Савельевъ, да Федка Неправдинъ, да Вятчане, которые живутъ въ Московской землѣ, Якушко Татаринъ да Гришка Татаринъ; а Вятчанъ съ ними 200 человекъ, Руси (подъ Русью, по нашему предположенію, слѣдуетъ разумѣть эрзянъ, одно изъ двухъ главныхъ коленъ мордовскаго народа) 100 человекъ, Яранъ (по основательному исправленію Бѣльева—Арянь) и Татаръ и Осетяковъ [по предположенію Бѣльева—Остяковъ, но, кажется, лучше читать — Вотяковъ, такъ какъ объ Остякахъ (Югричахъ) Европейской Россіи въ источникахъ нѣтъ почти никакихъ извѣстій; при этомъ также неудобно допускать, чтобы русскіе, предпринимая походъ въ Югорскую землю, включали въ составъ своего войска тѣхъ, противъ кого направлялся этотъ походъ] (Разряд. Имп. Ак. Наукъ № 41). И всѣхъ съ воеводами людей со княземъ Семеномъ Федоровичемъ Курбскимъ съ товарищи 4024 человекъ" (Разряд. архива иностр. дѣлъ № 129). Донесеніе объ Югорскомъ походѣ 1499 года, сохранившееся въ нѣкоторыхъ разрядныхъ книгахъ (по указанію Бѣльева въ вышеупомянутой его статьѣ): „Лѣта 7009 года повелѣніемъ Государя и Великаго князя Ивана Васильевича всея Руси хожение князя Петра Федоровича Ушатаго, да князя Семена Федоровича Курбскаго, да Василья Ивановича Заболотскаго Бражника въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогудичи. Пошелъ князь Великій Петра Федоровича, да подалъ ему дѣтей боярскихъ... Вологжанъ, а пошли до Шинюковскаго (Шинезекаго) волоку (Разряд. Акад. № 43) рѣками 2000 верстъ, да тутъ ся сождали съ Двинны да съ Важены; пошелъ съ Ильина дни Колою (Колою, нужно читать—Кулоемъ) рѣкою 150 верстъ. Съ Оленія броду на многія рѣки ходать, и пришла въ Печеру рѣку до Усташу града; тутъ воеводы сождались князь Петръ со княземъ Семеномъ Курбскимъ да съ Васильемъ Ивановичемъ (смяномъ) Гаврилова. Да тутъ остановились и городъ зрубили. Изъ Печеры рѣки пошли воеводы на лыжахъ на введеніе пречистыя Богородицы. Отъ Печеры шли воеводы до Камени (Каменнаго поля, какъ тогда назывался сѣверный Уралъ) двѣ недѣли; и тутъ розвелись воеводы князь Петръ да князь Семень, Камень щелью; а Камени въ оболочкахъ не видѣть, коли втрено, ино оболочка раздираеть, а длина его отъ моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человекъ Самоѣди, а взяли 200 оленей. А отъ Камени недѣлю до перваго городка Ляпина. А всѣхъ по Камень верстъ шли 4860 перестъ. Изъ Ляпина встрѣтили Додоряня (по предположенію Бѣльева—Обдоряне) на оленехъ, а рать на собакахъ. Ляпинъ взяли и поимали 38 города, да взяли 1009 человекъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Васнаій же Бражникъ взялъ 50 городовъ да 50 головъ; и пришли къ Москвѣ на великій день къ государю, неѣ далъ Богъ здорово" (Разряд. Акад. № 43, листы 23—24).

По выпискѣ объ Югорскомъ походѣ 1499 года, приводимой Миллеромъ изъ одной разрядной книги (Описаніе Сибирскаго царства, Миллера, Сиб., 1750 г.

Результаты московской политики въ продолженіе почти полустолѣтія по отношенію къ Югорской и Вогульской землямъ нельзя назвать блестящими, если смотрѣть съ точки зрѣнія распространенія предѣловъ Русскаго государства и развитія русской государственности. Результатъ военныхъ столкновеній и дипломатическихъ сношеній Москвы съ югрой (остяками) и вогулами, судя по исторіи этихъ столкновеній и сношеній, повидимому, сводился къ тому же, къ чему привели новгородцевъ ихъ многолѣтнія сношенія съ Югорской землей. Даже можно сказать, что Москва, завладѣвъ новгородскими волостями, вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовала отъ Новгорода Великаго и приемы въ своихъ политическихъ отношеніяхъ къ Югорской землѣ, какъ извѣстно, считавшейся въ числѣ новгородскихъ волостей. Московская политика въ отношеніи Югры сдѣлала, въ сущности, самый незначительный шагъ впередъ. А именно, мо-

стр. 63—64), воевода Гаврилоуъ взялъ 8 городковъ и 8 головъ, а не 50 городковъ и 50 головъ, какъ это передается въ подобной же выпискѣ, сдѣланной Бѣлевскимъ.—Исторія государства Россійскаго *Карамзина*, т. VI, примѣч. 462—въ выпискѣ Карамзина изъ разрядной книги рѣка Кулой называется Колодою.

Въ Архангелогородскомъ летописцѣ (М., 1819 г., стр. 205) извѣстіе объ Югорскомъ походѣ 1499 года передается въ такомъ видѣ: „Въ лѣто 7007 князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ рать, въ Югру, лыжную, Устюжанъ, да Вычегжанъ, Вымичъ, Сисолянъ, Двинянъ, Пиняжанъ, а воеводы были съ ними князь Семенъ Федоровичъ Курбскій да Князь Петръ Ушатый, да Василій Браникъ Ивановъ сынъ Гаврилова. Они же ходивше на лыжахъ пѣши зину всю, да Югорскую землю всю вывоевали и въ полоуъ вели“.

Герберштейнъ въ своихъ Запискахъ о Московіи передаетъ слѣдующія, впрочемъ, не особенно важныя извѣстія по поводу Югорскаго похода Русскихъ въ 1499 году (по переводу *И. Анонимова*, Спб., 1866 г., стр. 127—128): Князь Московскій Иванъ Васильевичъ (а не Василій Ивановичъ, какъ у Герберштейна) нѣкогда посмалъ чрезъ Пермь и Печору двухъ своихъ воеводъ Симеона Федоровича Курбскаго, прозывающагося такъ отъ своего наследственнаго помѣстья, изъ рода князей Ярославскихъ, и князя Петра Ушатаго для изслѣдованія мѣстъ за этими горами и для покоренія туземныхъ племенъ. Изъ нихъ Курбскій, въ бытность мою (Герберштейна) въ Московіи, былъ еще въ живыхъ, и на мои (Герберштейна) разспросы объ этомъ отвѣчалъ, что онъ 17 дней избирался на гору, которая на ихъ (русскихъ) языкѣ называется Столпомъ, т. е. колонной, и все таки не могъ достигнуть ея вершинъ. Эта гора вдается въ Океанъ и простирается до самыхъ устьевъ Двины и Печоры.—*Ibidem*, стр. 120: Великій князь посмалъ подъ командою Симеона Федоровича Курбскаго войско чрезъ Пермь въ Югру (*Juharia*) для покоренія отдаленныхъ племенъ. Большую часть дороги онъ прошегъ пѣшкомъ по причинѣ множества снѣгу; а когда снѣга растали, то остальной путь онъ совершилъ на судахъ и перешелъ чрезъ гору Печору (*mons Petzora*).

сковское правительство, повидимому, не желало, подобно Новгороду Великому, или, лучше сказать, новгородской вольницѣ (дальщикамъ), дѣлавшимъ набѣги на Югру,—довольствоваться только одними походами на Югорскую и Вогульскую земли, собирая при этомъ, по обычаю новгородской вольницы, одновременную дань (нѣчто въ родѣ контрибуціи) съ населенія этихъ земель. Москва, содѣйствуя разнымъ „хотячимъ“ людямъ, „шильникамъ“ и ополченіямъ сѣверныхъ городовъ въ ихъ походахъ на Югорскую и Вогульскую земли и заключаая послѣ этихъ походовъ мирные договоры съ югорскими и вогульскими князьями, стремилась наложить на этихъ князей и на принадлежавшія имъ земли постоянную дань, при чемъ—въ обезпеченіе исправнаго взноса этой дани и для санкціи подданства югорскихъ и вогульскихъ князей съ ихъ людьми московскому государю—эти князья приводились къ присягѣ, какъ это было, на примѣръ, въ 1484—1485 гг., послѣ похода въ Югру кн. Курбскаго Чернаго и Салтыка Травина. Однако, все политическое подчиненіе Югорской и Вогульской земель Московскому государству собственно этимъ и ограничивалось, а такіе результаты московской политики нельзя назвать значительными.

„Кромѣ обыкновенной присяги на вѣрнопопданничество,—говоритъ профессоръ Фирсовъ, изучавшій положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ,—да нѣкоторыхъ даровъ, которымъ въ Москвѣ усвоили названіе дани, да еще иногда заложниковъ, правительство не требовало отъ такихъ поподанныхъ другихъ знаковъ холопства и не находило на первыхъ порахъ другихъ обезпеченій твердости и ненарушимости этого холопства: внутреннихъ отношеній въ ихъ обществахъ оно не думало касаться, не заводило городовъ въ ихъ земляхъ, не посылало туда воеводъ и другихъ служилыхъ лицъ въ качествѣ правителей“...

„Сами такого разбора московскіе данники не съ другой точки зрѣнія, — продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, — смотрѣли на свое поподанство московской власти, какъ на договоръ между равноправными народами или на временную мѣру для достиженія извѣстныхъ цѣлей и стремленій, и не думали своему вѣрнопопданству усвоить какое либо серьезное значеніе, по крайней мѣрѣ, не хотѣли допустить мысли, чтобы за нимъ могло послѣдовать какое-либо измѣненіе во внутреннихъ ихъ отношеніяхъ“ ¹⁾.

¹⁾ Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Соч. Н. Фирсова. Казань. 1866, стр. 62 и 63.

Изъ историческаго обзора политическихъ отношеній Московскаго государства къ Югорской землѣ видно, что правительство московское вовсе не думало объ окончательномъ подчиненіи себѣ Югорской земли и включенія ея въ систему московскихъ областей. Москва готова была ограничиться приведеніемъ въ подданство себѣ отдаленной Югры, взиманіемъ съ нея опредѣленной, постоянной дани, при чемъ внутренней строй Югорской земли оставался неприкосновеннымъ: ни московскіе намѣстники, ни подъячіе не появлялись среди Югры. Однако, такой *modus vivendi* Московскаго государства рядомъ съ Югорской землей оказывался невозможнымъ въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, не допускавшихъ мирнаго совмѣстнаго политическаго существованія Москвы и Югры. Отношенія между Югорской землей и Московскимъ государствомъ не были правильными, но находились въ состояніи беспорядочности, приводившей къ военнымъ конфликтамъ между русскимъ и югорскимъ населеніемъ: черезъ небольшіе сравнительно промежутки времени обитателямъ Югорской земли приходилось имѣть дѣло съ ополченіями, составившимися изъ жителей разныхъ сѣверныхъ городовъ, — съ ополченіями, являвшимися въ Югру далеко не съ миролюбивыми намѣреніями. Обстоятельства, приводившія къ такому печальному для Югры результату, заключались, по справедливому замѣчанію г. Фирсова, прежде всего, „въ самыхъ полуданническихъ отношеніяхъ инородческихъ союзовъ къ московской власти. Отношенія, развивавшіяся изъ полуподданства, отличались неопредѣленностью и заключали въ себѣ значительныя противорѣчія основаніямъ шертыныхъ записей, которыя давали постуцавшіе въ полуподданство инородцы. Князья ихъ, присягавшіе на подданство московскому государю, дававшіе клятву не споситъся съ недругами царя и служить, по его указанію, противъ его измѣнниковъ и недоброхотовъ, въ то же время удерживали за собою все средства не исполнять этихъ обязательствъ“¹⁾). Князь московскій, даже послѣ совершенной побѣды и подчиненія себѣ такихъ подданныхъ, какъ югорскіе и вогульскіе князья съ ихъ землями, не отнималъ у этихъ князей ихъ княжествъ, источникъ ихъ силы, но, напротивъ, жаловалъ имъ и утверждалъ за ними ихъ земельныя владѣнія. У государя московскаго не было другаго обезпеченія вѣрности такихъ подданныхъ, „кромѣ клятвы ихъ начальныхъ людей, да иногда заложниковъ. Вслѣдствіе этого, начальныя ихъ люди признавали верховною

¹⁾ Ibidem, стр. 66.

господство московскаго государя лишь тогда, когда видѣли въ томъ выгоду для себя или когда принуждаемы были къ тому (чермскіе и югорскіе князья) оружіемъ, и при другихъ обстоятельствахъ являлись врагами этого господства¹⁾.

Кромѣ этого, полуподданство Югорской и Вогульской земель являлось неустойчивымъ и не могло содѣйствовать мирному политическому единенію между Московскимъ государствомъ и обитателями названныхъ земель въ силу нѣкоторыхъ причинъ, которыя часто не зависѣли отъ воли ни московскаго государя, ни тѣхъ владѣтелей или начальныхъ людей инородцевъ, которые отъ имени своихъ народовъ присягали на подданство Москвѣ. Въ народонаселеніи какъ русскомъ, такъ и инородческомъ,—говорить г. Ойрсовъ,—были элементы, которые противодействовали мирному соединенію съ Московскимъ государствомъ инородческихъ союзовъ съ сохраненіемъ въ послѣднихъ стариннаго ихъ устройства. Какъ ни слаба была связь, которая порождалась полуподданствомъ инородческихъ властителей московскому государю, какъ ни слаба была связь между Московскимъ государствомъ и инородческими союзами, все же она была достаточна для того, чтобы приводить въ то или другое соприкосновеніе русское и инородческое населеніе. При недостаткѣ должнаго умственнаго и общественно-экономическаго развитія у того и другаго, это соприкосновеніе, конечно, не могло обойтись безъ враждебнаго столкновенія между тѣми и другими. Согласить интересы они не умѣли, ибо, въ силу своей неразвитости, не знали другихъ способовъ улаживать дѣла, кромѣ насилія. Отсюда—постоянные взаимные грабежи, уводы плѣнниковъ, а за ними формальныя войны между русскими и инородцами, и часто вопреки намѣреніямъ верховныхъ властителей²⁾. Разказанная нами исторія отношеній Московскаго государства къ Югорской и Вогульской землямъ представляетъ нѣсколько примѣровъ такого рода задиралій съ обѣихъ сторонъ. Напримѣръ, въ 1455 году вогульскій князь Асыка нападалъ на Чермскую окраину; а въ 1467 году толпа въ 120 человекъ вятчанъ и пермяковъ сдѣлала набѣгъ на вогуловъ, и проч. Московское правительство, какъ было выше замѣчено, не считало выгоднымъ для себя включеніе земель Югорской и Вогульской въ кругъ московскихъ областей, но, съ другой стороны.

¹⁾ Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Соч. Н. Ойрсова. Каванъ. 1866. Стр. 66, 67.

²⁾ Ibidem, стр. 67.

полуданническія отношенія къ Москвѣ югры и вогуловъ не приводили къ желанному порядку, а, напротивъ, служили источникомъ военныхъ столкновеній; къ этому же приводили взаимныя отношенія обитателей Югорской и Вогульской земель съ жителями московскихъ областей. Что же, въ такомъ случаѣ, оставалось дѣлать московскому правительству для урегулированія своихъ политическихъ отношеній къ югрѣ и вогуламъ?

Московское правительство могло избрать для этой цѣли два пути: или совершенно отказаться отъ всякихъ сношеній съ Югорской и Вогульской землями, уничтожить полуданническія отношенія этихъ областей къ Московскому государству и вполнѣ предоставить ихъ самимъ себѣ, или же ввести эти земли въ систему московскихъ областей, учредить въ нихъ управленіе, строить города, содѣйствовать переселенію русскихъ крестьянъ и т. д. Первый путь оказывался рѣшительно невозможнымъ для московскаго правительства: именно, въ силу географическаго положенія Югорской и Вогульской земель, соприкасавшихся съ окраинами тогдашняго Московскаго государства, невозможно было предупредить столкновенія русскаго и инородческихъ племенъ. „На всемъ протяженіи сѣверо-восточной Россіи, включая сюда и землю Югорскую, и Сибирское царство, не было, — говорить г. Өирсовъ, — къ тому естественныхъ преградъ; напротивъ, волжскій бассейнъ, принимая въ расчетъ и Каму, давалъ всѣ пособія къ соприкосновенію разноплеменныхъ народовъ; онъ былъ исконнымъ трактомъ, по которому отъ предѣловъ Азіи двигались на западъ и сѣверъ инородческія племена и съ юго-запада русское племя къ Азіи“¹⁾. По словамъ другаго почтеннаго изслѣдователя, теперь покойнаго, знатока Уральскаго края Н. К. Чупина, „Ураль не представляетъ непрерывной стѣны между Европой и Азіей. Напротивъ, во многихъ частяхъ своего громаднаго протяженія онъ состоитъ изъ параллельныхъ между собой возвышенностей, или грядъ горъ, болѣе или менѣе длинныхъ. Иногда одинъ который нибудь изъ этихъ параллельныхъ кряжей тянется непрерывно верстъ на 50, на 80 и служитъ водораздѣломъ рѣчекъ и ручьевъ, текущихъ на западъ и на востокъ, въ Европу и Азію, и называется Ураломъ (на сѣверѣ Поясовымъ Камнемъ или горами Югорскими). Но потомъ онъ вдругъ прерывается, и водораздѣломъ далѣе на нѣсколько десятковъ верстъ служить уже другой параллельный кряжъ, лежащій отъ перваго во-

¹⁾ Ibidem, стр. 68

сточнѣе или западнѣе, на который переносится тогда и названіе Урала. Переѣзды съ одного склона на другой затруднительны только въ немногихъ частяхъ Урала; въ большинствѣ же случаевъ, переѣздъ затрудняется не крутизной подъёмовъ и спусковъ, а болотами да каменными россыпями, образовавшимися отъ разрушенія окрестныхъ горъ и покрывшими дно долинъ, по которымъ пролегаютъ дороги¹⁾. Такимъ образомъ, Уральскія горы не представляли непреодолимыхъ преградъ для перехода въ древнее время русскихъ и инородцевъ изъ предѣловъ Европейской Россіи въ сѣверо-западную Азію и обратно.

Итакъ, въ силу собственно географическихъ условій Московское государство не могло изолироваться и избѣгать сношеній съ югрой и вогулами; однако московское правительство, не смотря на такія природныя условія, повидимому, не чуждо было стремленія парализовать, на сколько возможно, явленіе, вытекавшее изъ означенныхъ причинъ. Оиросовъ по этому поводу говоритъ: „Какъ мало московское правительство заботилось о поддержаніи связи съ Великою Пермью и съ землями по ту сторону Камня, видно изъ того, что для походовъ туда не давало своихъ людей служилыхъ, исключая воеводъ,—ибо извѣстно, что ополченія, которыя приводили въ холопство эти страны, состояли изъ жителей поморскихъ городовъ,— и изъ того, что за-каменная земля, послѣ завоеванія Югорской земли, оно долгое время оставляло безъ всякаго вниманія... Но въ то время, когда оно указывало русскимъ не заирать инородцевъ, не ходить къ нимъ войною, чтобы государскую землю не выдавать, въ это же самое время какъ нарочно являлись столкновенія русскихъ и инородцевъ²⁾“.

Не смотря, такимъ образомъ, на пренебрежительное отношеніе Московскаго государства къ Югрѣ, на нежеланіе его тратить свои военныя средства на завоеваніе Югры, столкновенія съ послѣдней продолжались. Чтобы положить конецъ такому хаосу въ отношеніяхъ къ Югрѣ, Московскому государству оставалось окончательно завоевать эту землю, но этого не произошло. Югорская земля послѣ большаго похода въ 1499 году, въ концѣ концовъ, была оставлена въ полномъ пренебреженіи, вплоть до похода Ермака. Хотя послѣ знаменитаго похода 1499 года русскихъ въ Югорскую землю и на

¹⁾ О дорогахъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь въ прежнее время и нынѣ. Статья Н. К. Чупина въ *Ирбит. Ярм. Листкѣ*, 1869, № 15, стр. 66.

²⁾ Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Соч. Н. Оиросова. Казань. 1866, стр. 69.

вогуловъ, въ титулѣ великаго князя московскаго было включено слово „Югорскій“¹⁾; но были ли съ этого времени въ Югорской землѣ на-мѣстники отъ великаго князя, объ этомъ нѣтъ ни одного положи-тельного извѣстія. Югорскій вопросъ въ свое время не былъ рѣшенъ московскимъ правительствомъ, рѣшеніе его просто было предостав-лено неопредѣленному будущему, и только со времени сибирскаго похода Ермака участь Югорской земли была рѣшена безповоротно.

А. Фиссеновъ

¹⁾ Напримѣръ, въ 1506 году въ писмѣ великаго князя Ивана Василье-вича къ его дочери, Еленѣ Ивановнѣ написанъ былъ такой титулъ ве-ликаго князя: „Іоаннъ Божією милостію государь всеа Руси и великій князь Володимирскій, и Новгородскій, и Псковскій и Тверскій, и Югорскій, и Перискій... и иныхъ...“ Акты истор., собранные археографическою комис-сією, I, № 287. По словамъ Карамзина, слово „Югорскій“ встрѣчается уже въ 1488 году въ титулѣ Іоанна III. См. Ист. гос. Росс., т. VI, примѣч. 287: „Божією милостію государь всеа Русіи и великій князь Иванъ Васильевичъ Во-лодимирскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверскій, и Югор-скій, и Вятскій и Перискій и иныхъ, ведомоному и честайшему Мотешу Божією милостію Угорскому и Чешскому (1488 г. іюля 29).“